

OLD MACDONALD'S FARM

Этот доклад был прочитан Ильей Нахмансоном 30 октября 2009 года на заседании секции лженауки в ходе конференции выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии. Автор благодарит Николая Яковлева, Марию Артамонову и Надежду Антонову за ценные замечания и бескорыстное рецензирование, а также Мишеля Монтеня непонятно за что. Посвящается Насте, Маше, Алле, Вале и Насте.

Мифолингвистика – одна из бурно развивающихся междисциплинарных наук. Год за годом выходят все больше работ, авторы которых могут с гордостью считать себя мифолингвистами. Основная задача этих ученых состоит в следующем: изучение мифов лингвистическими, квазилингвистическими и псевдолингвистическими средствами. Определение мифа, данное основателем этого научного направления Леонардом Гартенцвергом, звучит так: «Архаичный сюжет, представленный в виде фольклорного текста» [Gartenzweg, с.3]. Поскольку миф по природе своей древен, его бытование относится к различным эпохам, культурам, социумам. «Меняется *текст*, меняется *контекст* – одни и те же слова могут звучать по-разному, и смысл, заложенный в них, многократно теряется и, преобразившись, находится вновь. Мы же, слой за слоем снимая наросшие на теле мифа напластования времени, стараемся добраться до его сути, до сокрытой в нем глубинной мысли. Ведь именно из этих мифов выросли все человеческие цивилизации, известные нам» [Ibidem, с.5].

Данная работа посвящена одному из самых известных индоевропейских мифов, повествующему о ферме старика МакДональда.

OLD MACDONALD'S FARM

Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!
And on his farm he had some cows,
Ee i ee i oh!
With a moo-moo here,
And a moo-moo there
Here a moo, there a moo,
Everywhere a moo-moo
Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!

Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!
And on his farm he had some chicks,
Ee i ee i oh!
With a cluck-cluck here,
And a cluck-cluck there
Here a cluck, there a cluck,
Everywhere a cluck-cluck
Old MacDonald had a farm
Ee i ee i oh!

Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!
And on his farm he had some pigs,
Ee i ee i oh!
With an oink-oink here,
And an oink-oink there
Here an oink, there an oink,
Everywhere an oink-oink
Old MacDonald had a farm
Ee i ee i oh!

Кто из нас не знает этой нехитрой детской песенки? Число куплетов в ней может быть бесконечным список животных и издаваемых ими звуков исчисляется десятками. Впрочем, именно эти три строфы присутствуют в каждой версии, и, вероятно, именно они и лежат в основе всего произведения. Итак, зададимся обычными для исследователя вопросами: о чем говорится в этой песне и каково ее происхождение? Для начала, обратимся к истории вопроса, ведь данному мифу посвящено немало работ, некоторые из которых можно без преувеличения назвать фундаментальными в этой области.

Джошуа Пирскин в своей известной монографии «Старик МакДональд» приводит данные социолингвистического анализа, произведенного ими в 18 штатах и провинции Манитоба, Канада. Опросив 5732 человек различного возраста, вероисповедания, цвета кожи и социального положения, Пирскин пришел к выводу, что песня о ферме МакДональда является гимном некоей сети быстрого питания, которую по соображениям антимонопольного характера он не называет. Респонденты в основной массе полагали, что в различных куплетах песенки перечисляются различные пищевые продукты, которые использует эта сеть для насыщения своих клиентов. [Pearskin, сс. 42-48]. Работа Пирскина изобилует статистическими сведениями: только таблицы, изданные отдельной брошюрой, занимают 35 страниц. Например, Пирскин выяснил, что 74.3% исповедующих индуизм белых мужчин с незаконченным средним образованием из штатов Среднего Запада считают, что в гамбургерах (hamburger) используется ветчина (ham), по аналогии с чизбургером и чикенбургером. Отдельная часть исследования посвящена хот-догам. Пирскин пишет: «В некоторых вариантах песни есть и такой куплет:

Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!
And on this farm he had a dog
Ee i ee i oh!
With an arf-arf here,
And an arf-arf there
Here an arf-arf there an arf
Everywhere an arf-arf
Old MacDonald had a farm
Ee i ee i oh!» [Ibidem, сс. 102]

и далее подробно описывает технологию изготовления сосисок для хот-догов (рис. 1). Людям со слабыми нервами эту главу лучше пропустить.

В целом, работа Пирскина производит очень благоприятное впечатление. Репрезентативность выборки, иллюстративность статистического материала, обширная библиография – все это красноречиво говорит о добросовестности Пирскина, о качественном выполнении поставленной задачи. Но можем ли мы безоговорочно принять его выводы? Пожалуй, нет. Пирскин рассматривает только последний срез мифа, его современное бытование, игнорируя всю вековую историю, которая за этим текстом стоит. Ведь первые записи песни о старике МакДональде относятся к очень давнему времени, о чем будет сказано ниже. Никаких гамбургеров тогда не было. Иначе говоря, работа Пирскина чересчур одномерна: отказавшись полностью от диахронического среза, он лишил свой труд глубины, без которой любое мифолингвистическое исследование неполноценно.

Совершенно другой подход к проблеме предлагает представитель когнитивистского направления в лингвистике Алиса Кулман. В своей статье «Moо-mоо, cluck-cluck, oink-oink» она останавливается на нейролингвистическом аспекте текста. Кулман считает, что песня о ферме старого МакДональда – это реликт протоязыкового прошлого человечества. Как и любой ономатопеический текст, он как бы напоминает людям о том времени, когда вместо внятного изъяснения своих мыслей они обходились мычанием и ревом. Свои рассуждения Кулман подтверждает фактическим материалом. На изолированном от внешних воздействий острове (Баффинова земля) было выселено 20 обезьян: 10 горилл и 10 шимпанзе. В течение трех месяцев им из скрытых динамиков по 20 часов в сутки транслировали песенку о ферме МакДональда. В ходе этого эксперимента 7 горилл и 4 шимпанзе отказались принимать пищу и издохли. 1 горилла и 2 шимпанзе перестали вступать в коммуникативные отношения со своими товарищами и не реагировали на внешнее раздражение. 2 гориллы вступили в драку с тремя шимпанзе, в результате которой все животные погибли от полученных ранений. И, наконец, один шимпанзе по имени Олли (рис. 2) был помещен в лабораторию, где обнаружилось, что он довольно внятно умеет воспроизводить кудахтанье, мычание и хрюканье. По мнению Кулман, это доказывает общую для приматов способность к ономотопее, которая и лежит в основе языковой деятельности [Coolman, сс.12-27]. (Феликс Хорн из Массачусетского Технологического института подвергает сомнению выводы Кулман и обвиняет ее в научной недобросовестности. По его словам, выживший шимпанзе, на самом деле,

никакая не обезьяна, а один из аспирантов кафедры речевых технологий, Олаф Сигурдссон. Мы находим эти обвинения безосновательными.)

Безусловно, исследование А. Кулман проливает свет на многие загадки нашего текста. Ее выводы убедительны и говорят сами за себя. Однако давайте спросим себя: не слишком ли глубоко она копает? Язык, как сходятся все серьезные исследователи, возник одновременно с человеком. То ли 40 тысяч лет назад, то ли 100 тысяч, но, в любом случае, довольно давно. Можем ли мы датировать современный текст, опираясь на эту дату? Безусловно, нет. Начнем с того, что клан МакДональдов возник в середине 13-го века, то есть, существенно позже появления первого человека. Кроме того, по данным археологических исследований, первые люди занимались охотой и собирательством, а зарождение сельского хозяйства произошло только через 10 000 лет назад. Да и собственно языковые данные не позволяют нам заглядывать так глубоко в историю. Какими бы ни были звукоподражательные сигналы в те далекие дни, сейчас различия в них слишком велики. Сравните те же «ойнк-ойнк» и «хрю-хрю». (Любопытно, что что даже в пределах одного языка они могут различаться, ср. «И если сказать не умеешь хрю-хрю, визжи, не стеснясь, и-и» [Маршак. с. 74]). Так что, отмечая всю важность работы Кулман, мы вынуждены признать, что она не говорит нам об истории самого текста.

Песня о ферме старого Макдональда считается американской. В различных вариантах ее исполняли Фрэнк Синатра и Элвис Пресли. В Озаркских горах ее пели еще в середине 19-го века [Randolph, с. 102], и это только зафиксированные данные. Однако недавние изыскания Джима Хокинса открывают нам новые подробности истории этого текста. Перенесемся на два с половиной века назад на Британские острова. 1747 год. Король Георг II пытается окончательно подавить сопротивление якобитов. Вводится запрет на ношение килта и тартана, клановые вожди объявлены вне закона. И среди многих статей Проскрипционного акта (Act of Proscription) встречается и такая: «Также и любого сословия человека, буде он уличен в распевании изменнической песни, считать предателем и повесить как такого». Годами историки спорили о том, какая именно песня имеется в виду. Большинство сходилось на том, что это «Песня о славном принце Чарли», хотя некоторые ученые возражали на это тем, что вся клановая символика Стюартов была запрещена еще в 1746-ом, и потому смысла в отдельном упоминании их походного гимна годом позже уже не было. Дж. Хокинс провел самостоятельное исследование этой проблемы, и в архиве города Инвернесс нашел некий любопытнейший документ. Это письмо одно из солдат якобитской армии, Ангуса Макклифшица своему брату Джемсу, написанное в марте 1746 года. Описывая перипетии походной жизни, Ангус, среди прочего, говорит, что «на глаза наши наворачиваются слезы, когда волынщики начинают играть поминальную песню (lament) о старом МакДональде. Руки тянутся к мечам, и в сердцах загорается жажда мести». Как, неужели, наша веселая детская песенка про коров и цыплят – это и есть скорбный шотландский напев? Для того, чтобы понять, как такое возможно, вернемся еще на полвека назад.

13 февраля 1692-го года, Гленко. С санкции короля Вильгельма Оранского полк пехотинцев герцога Аргайля ночью напал на жителей долины. В историю это события вошло как «Резня в Гленко». Солдаты были родом из Лоуленда,

равнинной Шотландии, Кэмпбеллы или их вассалы. Хайлендеры, приютившие их зимой по закону горского гостеприимства, были членами клана МакДональдов. Около 40 человек были убиты солдатами, почти столько же погибло после из-за голода и холода. Карательная акция, задуманная как акт устрашения якобитов, стала символом вероломства и той идеей, вокруг которой в 1745 году сплотились кланы, поддерживавшие притязания принца Чарли (рис. 3) на британский престол. «Макдональды были горцами-скотоводами, – пишет Хокинс, – и потому в песне перечисляются различные животные. Мы слышим их голоса, которые как бы говорят нам: и нас не пощадили Кэмпбеллы! "И-о, и-о, о" – плачут волынки, woe me, горе мне! Этот рефрен никого не оставляет равнодушным» [Hawkins, с. 77]. Исчерпывающая интерпретация! В последние годы специалисты по исторической реконструкции, скрупулезно восстанавливая ход событий при Каллодене, включают исполнение «Фермы МакДональда» армией Стюартов в программу битвы. Однако, можем ли мы утверждать, что сама песня возникла именно тогда, в первой половине 18-го века? Разве исключен такой вариант, что она существовала и раньше, а резня в Гленко только придала старому тексту новый смысл, новое звучание? И если это архаичная песня, пусть и не настолько древняя, как утверждает Кулман, то каково же первоначальное назначение, исходный посыл? Попыткой ответа на этот вопрос является любопытная статья Агнешки Грибаньски «Гендерные роли в народной песне: Old MacDonald's farm».

Эта работа является частью проекта «Гендерная этнофольклористика», осуществляемого Кембриджским университетом. За последние несколько лет в рамках этого масштабного начинания были сделаны важные открытия, опубликованы десятки работ. Достаточно упомянуть такие труды, как «Фаллическое значение Ахиллесовой пяты» Маргарет Нормайер или «Латентный гомосексуализм в "Беовульфе", или "веселый" Хродгар» Сильвии Уобберли-Смит. Статья Грибаньски занимает достойное место в этом ряду. Автор рассматривает канонический текст песни, представленный выше. «В "Ферме старика МакДональда", – пишет она, – мы можем выделить следующие гендерные роли: один маскулин (МакДональд), два феминина (коровы и куры) и один свинин (свиньи)» [Грибаньска. с. 2]. Свинин (pigin) в терминологии Грибаньски – это общее наименование смешанного гендера, который в различном контексте может оказаться как феминином, так и маскулином (рис. 4). Дальше она замечает: «Как мы видим, маскулин первым упоминается в тексте, он является главным гендерным типом в повествовании, все остальные находятся в отношении зависимости от него. МакДональд инертен, единственное действие, совершаемое им, – это обладание. Текст однозначно указывает на доминирующую роль, занимаемую маскулином в общественных отношениях» [Ibidem, с. 4]. И дальше: «Весьма вероятно, что гендерное превосходство сопровождается и сексуальным доминированием насильственного характера. Исходя из структуры текста, мы можем сделать вывод, что МакДональд находится в половых отношениях с фемининами и свинином. Процесс "обладания", описываемый в песне, сопровождается недвусмысленным звуковым рядом: мычанием, кудахтаньем, хрюканьем и сладострастными возгласами "ио-ио-о", очевидно, выпускаемыми самим МакДональдом в пароксизме довольства». [Ibidem, сс. 6-7].

Интерпретация Грибаньски, безусловно, представляет интерес, но доказательной силы ее выводы не имеют. Посыл, из которого исходит исследовательница не подтвержден фактическим материалом. Ни в шотландской мифологии, ни в исторических хрониках мы не находим описания такого рода отношений. Грибаньска ссылается на уже цитировавшуюся нами книгу Рэндолфа, где упоминаются случаи подобных извращений в Арканзасе и Озаркских горах [Randolph, passim], однако сама она склонна датировать текст 14-ым веком и считает его родиной горную Шотландию. Мы наблюдаем здесь противоречие. И, тем не менее, значение работы Грибаньски трудно переоценить. Два ключевых момента, лежащих в основе ее гипотезы, дают нам возможность максимально точно ответить на вопросы, поставленные в самом начале нашего анализа: о чем говорится в песне и каково ее происхождение?

Итак, каковы главные постулаты Агнешки Грибаньски? Первое: гендерные отношения. Второе: межвидовые контакты. Попробуем подойти к нашему тексту с этих позиций, с одной только поправкой: представим, что вместо отношений «человек – корова» или «человек – свинья», мы имеем дело с зооморфизмом – типичнейшим для архаичного сознания явлением. И тогда картина становится совершенно ясной. О чем идет речь? Старик МакДональд хозяйствует на ферме. На этом участке недвижимости имеется несколько «коров». Кто такие «коровы» в зооморфической интерпретации? Это жены старого МакДональда! В мировой культуре достаточно параллельных сюжетов. Джозеф Смит (рис. 5), основатель мормонской религии, называл своих жен «коровами». Так же поступали и его последователи. Корова является символом материнства во многих мифологических системах (Египет, Индия и т.д.). Вспомним также и историю Ио. Заметим, что в некоторых вариантах песни говорится «Old MacDonald had a cow» (У старика МакДональда была [одна] корова). Безусловно, это поздняя версия, свидетельствующая о последующей моногамизации. Итак, на ферме живет МакДональд со своими женами. Кроме того, там обитают «курочки». Курочки – это молодые девушки. Ср. с *chicks* в современном английском и *roules* во французском. Статус их не вполне ясен: возможно, это наложницы хозяина, не занимающие такого высокого положения как официальные жены – «коровы», но, скорее, всего, «курочки» – это дочери МакДональда. И, наконец, «свиньи». «Свиньи» – это сыновья старика. Отождествление мальчишек с поросятами характерно для всех культур. Ср. с «Вырастет из сына свин, если сын – свиненок» [Маяковский, с. 324]. Также NB выражение *male chauvinist pig*.

Подведем итог. Песня о ферме старика МакДональда уходит корнями в глубокую древность. В ней рассказывается о структуре родовой общины, во главе которой находится большак, глава многочисленного семейства. Уровнем ниже располагаются жены хозяина, под ними – дочери, а в самом низу – сыновья. Заметим, что роль мужских наследников самая незначительная, в отличие от традиционных представлений о сыновьях, как об опоре отца. Связано это, по всей видимости, с тем, что дочери служили средством расширения межродовых связей: выдавая их замуж за соседей, большак укреплял свое влияние и увеличивал благосостояние за счет калымов. В то время как сыновья, стремящиеся занять его место, являлись, в основном, источником беспокойства и нестабильности. Мы видим, что с течением времени первоначальный смысл текста оказался утерян, песня приобретала новое

звучание и наполнение. Это и скорбный плач о предательски убитых, и веселая детская песенка. Однако вдумчивый исследователь способен и сейчас сквозь различные временные пласты разглядеть истонную простоту и мудрость повествования о ферме старика МакДональда.

Библиография

Маршак С.Я. Стихи и сказки. Москва, 2007

Маяковский В.В. Стихи. Астрахань, 2009.

Coolman A. Moo-moo, cluck-cluck, oink-oink. Montreal, 2002.

Gartenzweg L. Die Mythe linguistik. Leipzig, 1974.

Gribanska A. Гендерные роли в народной песне: Old MacDonald's farm. Кемерово, 2005.

Hawkins J. Bonnie Prince Charlie and Old MacDonald's lament. Glasgow, 1997.

Pearskin J. Old MacDonald. Newport, 1986.

Randolph V. Pissing in the snow. Chicago, 1976.

OLD MACDONALD'S FARM

Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!
And on his farm he had some cows,
Ee i ee i oh!
With a moo-moo here,
And a moo-moo there
Here a moo, there a moo,
Everywhere a moo-moo
Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!

Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!
And on his farm he had some chicks,
Ee i ee i oh!
With a cluck-cluck here,
And a cluck-cluck there
Here a cluck, there a cluck,
Everywhere a cluck-cluck
Old MacDonald had a farm
Ee i ee i oh!

Old MacDonald had a farm,
Ee i ee i oh!
And on his farm he had some pigs,
Ee i ee i oh!
With an oink-oink here,
And an oink-oink there
Here an oink, there an oink,
Everywhere an oink-oink
Old MacDonald had a farm
Ee i ee i oh!

1. Хот-дог

2. Олли

3. Bonnie Prince Charlie

4. Свинин

5. Джозеф Смит

